

6+

Римма Мез

Город волшебной антилопы

Римма Аббасовна Мез

Город волшебной антилопы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66608220

SelfPub; 2021

Аннотация

Сказка о великой любви к жизни, о страданиях, лишениях, но огромном стремлении помогать и быть полезным, о невероятной дружбе и преданности, лжи и предательстве. Сказка о том, каким жестоким и милосердным может быть человек.

Римма Мез

Город волшебной антилопы

Огромный камень, с жалобным треском, будто нехотя, отвалился от скалы и, тяжело подсакивая, покатился вниз. У подножия горы он глухо ударился об острую, торчашую из земли глыбу и остановился. Первый верблюд от неожиданности ударился грудью о камень и попятился, приседая на задние ноги. Караван-баши едва удержался в седле, вцепившись в него так, что побелели пальцы. Он поднял глаза к небу и возблагодарил Аллаха: в его возрасте падение с верблюда могло закончиться очень плохо. Ещё хуже могло быть придавленным тем самым камнем. Караван замер, и люди, которые еще могли смотреть без усилий на мир, с тревогой обратили свои взоры на крутой склон, а затем на нескончаемую даль, – туда, где бурая бесконечная пустыня уходила в бурое, бесконечное небо.

Караван-баши перевел взгляд на солнце, укутанное маревом, и прикрыл глаза. Камень – это знак, предзнаменование чего-то, подумал он. Может это колодец, до которого остался один день пути, окажется не пересохшим, и тогда люди и животные смогут утолить жажду. Слава Аллаху, если это так. А если нет? Зря он не внял советам мудрого Хафиза и взял с собой женщин, детей и больных, не послал вперёд людей разведать колодцы. Но ведь и времени на это уже не бы-

ло: с водой стало совсем плохо, и какая-то страшная болезнь пришла в селение...

Караван-баши вяло поднял руку, давая сигнал к привалу. Верблюды как будто ждали этого знака. Один за другим, как подкошенные, они падали на раскаленный песок, не заботясь о грузе и людях, и застывали подобно каменным глыбам.

Случилось это в те давние времена, когда первые редкие караваны осмеливались пересекать необозримую пустыню в поисках неиссякаемых колодцев.

Когда дети оглянулись в последний раз, длинная серая палатка, притулившаяся у подножия скалы, была два различима. В ушах еще стояли предсмертные хрипы и последние слова матери Азиза: «Сынок, найди воду, найди воду». И хотя караван-баши сам принёс и поставил на землю у изголовья матери полный кувшин теплой, чуть горьковатой воды, она уже не могла пить. Те жалкие запасы, что булькали на дне бурдюка, она, скрывая от всех, берегла и давала сыну Азизу и дочери брата – сироте Фатиме, не оставляя ничего для себя. И теперь высушенная, совсем маленькая, как девочка, она умирала.

Азиз быстро шел впереди, глотая слёзы. Он с ожесточением тыкал палкой в твёрдый песок. Фатима едва поспевала за ним. Дети шли молча, хотя девочке хотелось спросить брата, когда же, наконец, они найдут воду. Она была на два года младше брата, и побаивалась его, особенно когда он вот так, сжав губы, сурово молчал. На спине у мальчика болтался по-

лупустой бурдюк. Фатима шла, не отрывая от него взгляда, и облизывая пересохшие губы.

Азиз стиснул зубы. Его одолевали сомнения. Правильно ли он поступил, покинув с сестрой стоянку и никому ничего не сказав. Даже не предав земле тело матери. В нём сейчас боролись два человека: один твердил, упрямо постукивая в висках, что надо было похоронить мать, а потом испросить разрешения. А другой спорил с ним, что разумнее все-таки было уйти ни сказав никому ни слова. Караван-баши позаботится о матери, когда найдет её мёртвой. Недаром он распорядился поставить палатку. Не оставлять мёртвое тело на растерзание птицам и диким зверям – это закон предков. Сам Азиз, когда уходил, в первый и последний раз погладил жёсткие волосы матери и прошептал про себя прощальные слова, которые никогда не осмелился бы произнести вслух. И поклялся, что выполнит последнюю её волю, что бы ни случилось. Найти воду, пока люди не умерли один за другим. А дядя Хафиз, брат матери... Ещё вчера Азиз разглядывал его синюю, разбухшую от этой непонятной и странной болезни ногу, которая пожирает, не разбирая ни старого, ни молодого. Сначала ноги, руки, потом тело и голову. Сколько человек погибло от неё! Сколько их было в начале пути! Караван-баши говорит, что во всем виновата вода, горькая и мутная, которую черпали со дна колодца вместе с песком. А ведь раньше он был полон чистой и прохладной воды. Что стало с ней? Куда она ушла и почему? Чем люди селения

прогневили Аллаха?

Да, Азиз поступил правильно, что ушел с восходом. Он сразу так решил, когда услышал, что караван будет стоять здесь два дня и две ночи, пока мужчины не вернутся назад с разведки колодцев. Он намеренно не спросил разрешения у караван-баши, потому что тот не отпустил бы детей одних.

Азиз прервал свои размышления и оглянулся. Фатима, измученная, с прилипшими ко лбу волосами еле волочила ноги. Мальчику стало жаль её. Он молча снял с плеча бурдюк и показал глазами на него. Фатима стыдливо опустила ресницы. Ей не хотелось показывать свою слабость брату. Ведь она еле уговорила Азиза взять её с собой.

– Пей, – сказал он и протянул бурдюк.

Девочка взяла мешок, осторожно, чтобы не расплескать ни одной капельки, поднесла ко рту и прильнула к его устью. Азиз поддерживал бурдюк. В нем плескалась жизнь. Вода – это жизнь, об этом знает каждый житель пустыни, даже самый маленький. А Азиз знал это, быть может, лучше других: без воды ушла, утекла жизнь из тела его матери.

Впереди непрерывной цепью стояли горы. Их путь лежал через них. Азиз видел горы впервые. До вчерашнего дня земля представлялась ему плоской, как лепешка хлеба, вкус которого он уже начал забывать. Он и не думал, что земля может вот так вот вздыбиться и подниматься вверх к самому небу. Когда он впервые заметил на горизонте тёмную гряду, он принял её за череду облаков. Но какие могут быть сейчас

облака, когда солнце, нескончаемым днями, висит над головой в жарком пустынном небе. Дядя Хафиз, приподнявшись в своей люльке-корзине, укреплённой на спине верблюда, сказал тогда, что это горы и что, если есть где-нибудь в этой земле вода, то её надо искать там. Но караванная тропа не пересекла горы, она шла краем, и свернуть с нее одинокому путнику – значило погибнуть.

Азиз вскарабкался вверх, выбирая удобные выступы в твердой, но хрупкой породе. Время от времени он подавал руку Фатиме и подтягивал её. Девочка тяжело дышала, но послушно, стараясь не отстать, поднималась за братом. Склон был голый, и только кое-где торчали седые пыльные пучочки растений, которые трудно даже себе представить, весной зацветут мелкими, но яркими цветами. Откуда они берут влагу, знает один Аллах, но то, что растения не могут жить без воды, знает и Азиз.

Наконец, дети достигли вершины горы. Но здесь они обнаружили, что за ней поднимается ещё одна повыше, с одиноким деревом на склоне. Азиз посмотрел на Фатиму. Девочка всё поняла, она с трудом разогнула свои измученные исцарапанные коленки и двинулась дальше за братом. Надо торопиться, не пройдёт и двух дней, и на стоянке почти никто уже не сможет подняться от слабости. А у тех, кто сможет, не хватит сил помочь несчастным.

И снова подъём. Солнце жжет нещадно. Оно не в небе, нет. Оно вокруг. Стучит молоточком в висках, сжигает спи-

ну и руки, слепит глаза.

В тени дерева дети остановились, чтобы немного передохнуть. Азиз достал из заплечного мешка шарик сушеного кислого молока. Дал погрызть сестре, а потом клыками отколол и себе шершавый кусочек. Это как будто чуть-чуть утолило голод, хотя в желудке всё равно было пусто. А впереди предстояло одолеть ещё одну вершину. Когда дети поднялись на неё, их уже окружил мрак. Ночь упала как-то сразу, рассыпав на бархатной глади неба горсти живых, блестящих звёзд. Тонкий завиток месяца едва светился далеко на небесном полотне.

Азиз нашёл небольшую ровную площадку, наощупь собрал несколько охапок сухой травы, закрепил между камнями бурдюк, бросил под голову мешок, и они улеглись. Камни приятно грели спину, отдавая своё тепло стынущему воздуху. Фатима сомкнула ресницы, но сон не шёл к ней. В черной дали крупные, совсем близкие звёзды растопырили свои дрожащие лучи во все стороны, как спицы у колеса. Девочка чуть склонила голову набок, звёзды тотчас повернулись и замигали. Дядя Хафиз говорил, что если кто-то не спит, он может поиграть со звездой, подвигать её палочкой, чтобы не обжечь руки, как раньше, когда Фатима играла уголками в только что потухшем костре. Она улыбнулась, вспомнив родное село. Как давно они ушли оттуда! Она не знает, сколько дней и ночей прошло с тех пор, потому что дни похожи один на другой, как похожи друг на друга песчинки

под ногами. Когда караван двинулся в путь, за ним двинулась небольшая, в несколько голов отара коз и овец. Все они остались там, позади, на караванной тропе маленькими холмиками на растерзание хищным зверям. Последний колодец на пути был сух, запасов воды почти уже нет. Что будет с родными, если ни мужчины, ни они с Азизом не найдут воду? А если мужчины вернуться с радостной вестью и наполненными бурдюками, караван снимется, и их с братом, конечно, не будут ждать. И это правильно, Фатима понимает. Хотя, если бы была жива тетя, мать Азиза, она ни за что не покинула бы стоянки и ждала бы, ждала своих детей до конца. А что, если брат не найдёт обратную дорогу? Ведь горы такие большие и одинаковые! Слезы наполнили щёлки глаз. Звёзды расплылись и исчезли. Горячая струйка затекла в ухо.

Вдруг что-то треснуло в ночи. То ли зверь, то ли птица, то ли камень раскололся от напалзающего холода. Фатима вздрогнула.

– Не бойся, сестра. Думай о хорошем, о воде. Завтра с солнцем вставать. Верблюжью тропу с хорошей вестью всегда найдём. Она внизу, – твёрдо сказал Азиз, будто угадал мысли Фатимы.

Девочка доверчиво прижалась мокрой щекой к плечу брата.

«Он сильный. Если так говорит, значит верит», – засыпая подумала она.

Солнце поднялось из-за гор и косыми ещё лучами освети-

ло уходящие вдаль полосы хребтов. Внизу, в раздуже гигантского ущелья громоздились розовые горы. Горы в горах, похожие на вздыбившиеся валы каменного моря. Азиз встал и огляделся. Его и без того огромные глаза на узком худом личике округлились. Розовые горы! Такого, наверное, не видели ни дядя Хафиз, ни караван-баши, которые на своем веку многое перевидали. Азиз растормошил сестру. Фатима протёрла глаза, посмотрела, куда показывал брат, протёрла снова. Розовые горы! Ей показалось, что она ещё спит.

Некоторое время дети стояли в нерешительности: к добру ли это? К беде? Надо ли бояться такого чуда? А время не ждало. Азиз начал внимательно вглядываться в тёмные трещины, рассекающие горы. Он так пристально смотрел, что у него выступили слёзы. И всё-таки мальчик сумел заметить на дне одного ущелья сине-чёрные пятна. Это не могло быть ничем иным, как зеленью. Значит, там возможна вода.

Азиз подхватил вещи, и они начали спускаться, чтобы потом не раз подниматься и спускаться снова. Хотя горы, казалось, были совсем рядом, детям потребовался почти дневной переход, чтобы добраться до их подножий. Почти отвесные скалы округлыми уступами поднимались вверх. Карабкаться по ним было невозможно. Дети, измученные жаждой и голодом, двинулись вдоль этих стен. А солнце не знало усталости. Оно прокаливало розовый гладкий камень, просвечивало сквозь тонкую розовую пыль, поднятую ногами, грело и грело горячий неподвижный воздух.

Фатима начала отставать от брата. У неё уже не было сил, но она не проронила ни одного слова жалобы. Там на стоянке больным ещё хуже. Они ждут, но, наверное, уже не верят в удачу. Возможно, вода кончилась. А у них с братом ещё немного плещется в бурдюке. Какой приятный этот звук живой воды! Фатима присела, опершись о горячую стену.

– Я немного отдохну, брат, – слабым голосом крикнула она удаляющемуся Азизу.

Мальчик повернулся. Бедная сестра, она совсем выбилась из сил. Пусть отдохнёт, а он пока один пойдёт разведать новые места. Он дал ей отпить глоток воды, положил заплечный мешок и завернул за упавший обломок скалы.

Азиз двигался вдоль стены, не сворачивая, чтобы не перепутать дорогу обратно. Горы всё также неприступно поднимались вверх.

Вдруг что-то живое метнулось перед мальчиком. Он остановился и зажмурил глаза.

– О, Аллах, это ты послал его, – зашептал он.

Но не было слышно ни звука. Азиз медленно открыл глаза. Перед ним, на расстоянии двух шагов стояло странное животное. Оно было меньше верблюда, но гораздо больше самого большого козла. Из головы у него росло два длинных, прямых, заострённых рога. Выпуклые блестящие глаза уставились на мальчика. Азиз замер с поднятой рукой, словно решил отмахнуться от непонятого существа. Он пытался опустить глаза, но не мог: животное завораживало его. Он

хотел бежать, но ноги как будто выросли в землю. «Это испытание послано мне с неба», – мелькнуло в голове у мальчика, и в этот момент животное вытянуло шею, высоко подпрыгнуло и метнулось в сторону. Азиз, будто сбросил с плеч тяжёлый камень, тоже подпрыгнул и бросился в противоположную сторону.

Он бежал, не разбирая куда, раня ноги об острые камни и падая. Наконец, когда совсем сбилось дыхание, он упал на камни и замер. Ничто не тревожило тишину, даже ветер, завывание которого слышалось между камнями. Мальчик сел и огляделся. Со всех сторон его окружали высокие скалы. Как он попал сюда? И где теперь его сестра? Она ведь совсем одна! Скоро станет темно и тогда... У Азиза по коже побежали мурашки. Он вскочил, рванулся в одну сторону, потом в другую. И чем больше мальчик плутал, тем меньше надежды у него оставалось найти Фатиму. Тогда он приложил ладони к губам и издал громкий гортанный звук, похожий на крик молодого животного и знакомый каждому жителю пустыни. Этот неожиданный звук заметался между узкими каменными стенами ущелья и разбился на множество осколков, которые разлетелись, затухая, и погасли в дали. Азиз насторожился. Тишина поглотила всё. Он крикнул ещё раз, потом ещё, но сестра не отзывалась.

Вдруг Азиз зашевелил крыльями носа: пустынная лисица на добычу, двигаться, едва угадывая направление. Он совсем забыл о сестре. Мысли его крутились вокруг костра. Где дым

– там огонь, где огонь – там люди, где люди – там вода.

Хотя небо ещё было светлым, здесь на дне ущелья стало совсем темно. Стены из розовых превратились в серые. Завернув за огромную глыбу, некогда упавшую сюда, Азиз неожиданно увидел черную вертикальную полосу в стене. Сначала он принял её за неглубокую трещину, но подойдя поближе, понял, что это расщелина. Прохладный, сильный воздушный поток нес из неё устойчивый запах костра.

В расщелине стоял мрак. Время от времени чёрные стены смыкались над головой тяжёлыми нишами, и тогда мальчик шел, наощупь угадывая дорогу. Каменный коридор извивался то и дело меняя направление. А Азиз всё шёл и шёл. Он бы уже отчаялся, но всё усиливающийся дразнящий запах человеческого жилья подгонял его.

Вдруг стены внезапно расступились, и яркий свет плеснул мальчику в лицо. На какой-то миг он, казалось, ослеп. Но когда глаза привыкли, он всё равно не поверил тому, что увидел. А увидел он огромную круглую площадь, освещенную множеством костров, и людей, одетых в яркие ниспадающие одежды. В одной из скал, окружающих площадь, был высечен дивной красоты розовый дворец. Гладкие колонны его, поддерживающие крышу, возносились в небо. Подвешенные к каменным завитушкам плошки с горящим маслом, заставляли стены светиться изнутри. В нишах стояли фигуры людей и животных. Азиз, который не знал ничего кроме палатки – натянутой на колья полосатой материи, сотканной из

козьей шерсти, – прошептал:

– Здесь может жить только Аллах!

Но между костров ходили люди. Одни жарили над кострами туши коз и баранов, другие что-то пили из глиняных кувшинов, третьи просто сидели, разговаривали и смеялись. Женщин не было видно. Тут же бродили собаки и жадно хватали брошенные. Царило оживление. Справа от дворца восходящими во все стороны ступенями, словно гигантская чаша, с отбитым боком, поднимался недостроенный амфитеатр. Над ним и с боков в скалистых стенах виднелись чёрные дыры – пещеры, похожие на раскрытые пасти диковинных животных. К ним вели узкие ступеньки.

Вдруг двери розового дворца открылись, и на площади появился высокого роста человек в пурпурной тунике. И тут во внезапно наступившей тишине Азиз различил звук, который поразил его почти также, как только что увиденное. Мальчик повернулся на него и вскрикнул. Откуда-то сверху, куда не достигал свет костров, низвергался поток воды. Он падал в круглый, плоский бассейн, высеченный в скале, бурлил в нём и пенился. Потом выливался в другой, нижний бассейн, а затем в последний, из которого, затихая, убегал в темноту.

Азиз вскрикнул от неожиданности: столько воды, чистой, прозрачной он видел впервые в своей жизни.

Между тем, на площади слышали крик, и человек в пурпурной тунике медленно и величаво двинулся к Азизу. Тол-

па расступилась перед ним, а потом сомкнулась и последовала сзади. Когда человек приблизился, мальчик только на миг взглянул ему в лицо и окаменел от страха: у человека были белые, как у незрячего глаза. Но он видел. Он начал медленно разглядывать жалкие лохмотья на теле Азиза, его босые, израненные ноги. Он словно провёл глазами черту от головы мальчика до самых ног, затем по земле до своих пурпурных сандалий и замер, опустив голову. Остальные тоже стояли не шевелясь. Азиз не мог поднять глаза. Когда молчание стало уже невыносимым, раздался низкий и глухой голос:

– Кто ты и как попал сюда?

Мальчик не смог сразу ответить. Он сглотнул сухую слюну и, выдавливая из себя слова, рассказал, кто он и что ищет. Человек в пурпурной тунике больше не проронил ни звука. Он сделал несколько непонятных движений рукой, повернулся и пошёл обратно. Остальные двинулись за ним и принялись за свои дела, будто ничего не произошло. Азиз обмяк, но руки у него всё ещё дрожали. Он стоял в нерешительности, не зная, как поступить. Он не понял, можно ли ему войти в город напиться и взять воды для своих родных. По лицам и движениям этих людей трудно было догадаться и прочитать их решение. Мальчик топтался на месте, размышляя. Никто не обращал на него внимания. Конечно, думал он, они должны быть добрыми, ведь у них столько воды, что хватит напоить много-много людей. И мать, и дядя Хафиз, и караван-баши всегда учили его делиться последним глот-

ком. И он делал это с радостью. Значит, и этим людям, конечно, хочется поделиться со всеми. Как жаль, что ему не во что набрать воду, ведь бурдюк... и тут Азиз вспомнил про Фатиму. Как она одна среди гор, в темноте? Она не плачет, конечно. Не пристало такой большой плакать, но как ей, наверное, страшно! А если шакалы?..

Азиз бросился к ближайшему костру, чтобы попросить сосуд для воды. Он наполнит его и побежит искать сестру. Вместе они отнесут его на стоянку. Позовут тех, у кого ещё есть силы ходить, и принесут много бурдюков, чтобы наполнить их такой прозрачной, такой живительной водой. И тогда он обязательно вернёт сосуд.

Азиз тронул за рукав человека у костра, и вдруг чьи-то острые пальцы впились одновременно в его запястья и шею, вздёгнув голову так высоко, что он мог видеть лишь тёмное небо, подкрашенное дымом и светом костров.

Фатима забеспокоилась: что-то долго нет брата. Он не может оставить так надолго её одну. Вон солнце уже спряталось за гору. Но ещё светло, пока оно не скрылось за край пустыни. Нехорошо, если брат будет возвращаться в темноте. Девочка подтянула под себя замёрзшие босые ноги, закутала колени стареньким платицем. Вечерами не так хочется пить, думала она, чем днём, под жарким солнцем. Хотя пить и сейчас хочется, и есть тоже. Но лучше потерпеть. Что ж с того, что бурдюк и мешок рядом. Нехорошо одной, надо дожидаться брата. Он тоже голоден и хочет пить, к тому же,

наверное, ужасно устал. Фатима положила ладонь на колеблющуюся, тёплую кожу бурдюка, нащупала в мешке три шарика сухого молока. Это придало ей уверенности. Потом она прижала своё богатство к груди и стала ждать. Время шло. Ночь просочилась в ущелье незаметно, и девочка снова увидела знакомые звёзды над головой.

Вдруг тишина раскололась: где-то совсем рядом раздался страшный, тягучий вой, от которого кровь застыла в жилах девочки. Каменные закоулки ответили ему многоголосьем эхом. Она вскочила. Мысли рванулись в панике, словно стая диких птиц, почуявших опасность. Это шакал... где брат? Куда спрятаться? И потеряв голову от ужаса, она побежала, не разбирая дороги.

Хотя глаза давно привыкли к темноте, Фатима то и дело натыкалась на камни и падала. Но боли не чувствовала. Один страх. Бежать, бежать, подальше от этого ужасного воя, который давно погас в молчаливой ночи и сейчас звенел лишь у неё в ушах.

Остановилась девочка, только когда упёрлась в отвесную стену. Выход был один – назад. Обессиленная, тяжело дыша, она сползла к земле. Всё. С этого места она не сдвинется. Сил всё равно больше нет. Она сидела, безвольно опустив руки и удивляясь наступившей тишине. Кроме стука её собственного сердца, не раздавалось ни звука. Хотя нет... Или ей показалось? Звон колокольчика. А если звенит у неё в ушах? Откуда здесь в горах может быть верблюд?! Фати-

ма задержала дыхание, заткнула пальцами уши и отпустила. Настойчивый звон слышался откуда-то сверху. Она вскочила. Нащупала углубление в стене на уровне шеи. Перекинула через плечо вещи и попыталась подтянуться. Это ей удалось, откуда взялись только силы. Потом она нащупала ещё одну ступеньку, другую, и стала медленно подниматься, влекомая загадочным звоном. Несмотря на ночной холод, девочка вся взмокла, но настойчиво продолжала карабкаться. Надежда неуверенно просачивалась в её сердечко. Она рисовала себе картину мирного селения, где старый верблюд в своём беспокойном сне бренчит колокольчиками. Но чем выше она поднималась, тем меньше верила в эту картину: слишком настойчиво и тревожно звенели колокольчики, и слишком много их было. А когда она поднялась на вершину горы, ужасный человеческий крик разрезал темноту и заглушил беспокойный звон.

В глубине между гор Фатима увидела город: убегающие вниз ступени амфитеатра и круглую площадь, с двух сторон окружённую высокими, выше самой высокой пальмы отвесными стенами. Мерцающий свет костров вырывал из мрака удивительной красоты розовый дворец. На разной высоте в скалах, окружающих город, словно птичьи гнёзда чернели входы в пещеры. Некоторые из них были заложены камнями. На площади перед дворцом было много людей в ярких одеждах. Но всё это Фатима разглядела потом. А вначале взгляд её приковало к большому, круглому колодцу, окружённому

высокой стеной. В нём застыла чёрная вода. На стене стоял человек со связанными руками и корчился от крика. Внезапно от пёстрой толпы отделился высокий мужчина в пурпурной тунике и едва заметным толчком сбросил пленника вниз. Ещё более истошный крик взвился вверх и внезапно пропал, словно кто-то отсек его чем-то острым. Крутые, с розовым отблеском круги взбудоражили водную гладь и, ударившись о каменные стены колодца, погасли. А воздух вновь наполнился звоном колокольчиков и слабым шумом падающей воды.

Плеск этот не сразу проник в сознание девочки, потрясённой только что увиденным. Кто эти люди? За что они убили того несчастного? Что бы он ни сделал, разве можно подвергать человека столь страшной смерти? И разве смерти вода? Она даёт жизнь! С тех пор, как Фатима помнит себя, она знает вода – это жизнь. Знает также хорошо, как то, что утром солнце поднимается с одного края земли, а вечером опускается за другой. Такие мысли мелькали в голове у девочки, но она не могла пока разобраться в них. И только одно ей стало ясно: эти люди внизу, кто бы они ни были, не могут быть добрыми, к ним спускаться нельзя. И, всё-таки, Фатима, которая ещё совсем недавно в каждом близком и незнакомом человеке видела друга, с трудом смирилась с этим.

Девочка начала осторожно спускаться. Темнота надёжно скрывала её от тех, кто был на площади. Слабая надежда найти здесь брата – он ведь тоже мог услышать звон колоколь-

чиков и пойти на него – не покидала её. И этот звон. Отчего так щемит от него сердце?

Фатима пробралась в одну пещеру, потом в другую, третью. Но они были пустыми, холодными с мёртвыми кострищами. Девочка догадалась, что звон раздаётся из тех пещер, вход в которые заложен камнями. В них тоже было темно, но чувствовалось присутствие людей. Иногда сквозь отверстия доносился детский плач и тихий шёпот. Фатима ничего не понимала. Кому нужно было упрятать этих людей и зачем? Не те ли люди в пёстрых одеждах совершили это злое дело?

Фатима была очень чуткой девочкой. Она жалела всех: и собаку, попавшую под тяжёлые ноги верблюда; и козу, которую задушил шакал. Это ещё в те времена, когда в селении воды было вдоволь, и их большое стадо едва помещалось под навесом самой большой палатки. А тем более людей...

Фатима подкралась к самой отдалённой пещере, прижалась губами к отверстию в камнях и шёпотом стала звать людей. Ей никто не ответил, но звон колокольчиков прекратился. Тотчас же стражник, расхаживающий по верхним ступеням амфитеатра, крикнул что-то непонятное, и снова послышался звон. А затем девочка услышала ответный шёпот, но не смогла ничего разобрать. Она нашла острый камень и попыталась вытащить выпуклый валун из завала. Он долго не поддавался, но, наконец-то, она извлекла его и бесшумно положила у ног. В отверстии появилось бледное бородатое лицо. Старик ничуть не удивился, увидав незнакомую девочку.

ку и выслушав его рассказ. Возможно он слишком много пережил в жизни и отвык удивляться. А может быть невнимательно слушал её, занятый своими нелёгкими мыслями. Он даже облегчённо вздохнул, когда она закончила рассказ, и тут же быстро заговорил о своей беде. Старик сказал, что он старейшина этого города, где его народ живёт с незапамятных времён. Здесь жили его дед, отец деда, и отец отца деда. Люди высекли в скалах площади, дворцы и жилища. Почти закончили амфитеатр, где собирались ставить представления. Они работали, не покладая рук. Развели плантации винограда, научились выращивать оливы и зерно, из которого теперь пекут такие вкусные лепёшки, делать красивую посуду и ткать ткани. Они провели водопровод, и благодаря Аллаху, их бассейны всегда полны воды. Люди трудились с радостью и отдыхали с чистой душой. Отцы любили жён и детей, а дети – родителей. Они почитали стариков и заботились о больных и немощных. И вот пришли чужеземцы. Они захватили стада, запасы пищи, дворцы и жилища. Убили много мужчин, женщин и детей, а остальных хотят превратить в рабов.

Фатима напряжённо слушала, с трудом улавливая тихий шёпот: непрерывный звон колокольчиков отвлекал её. Старик заметил это и рассказал, что к запястьям и щиколоткам каждого узника привязаны колокольчики на случай побега и чтобы несчастные не знали покоя, мучители заставляют греметь ими днём, и ночью. И если звон в пещере надолго за-

молкает, они бьют, не разбирая и старых, и малых кожаными плетьюми, к концам которых привязаны острые камни.

– Скажите, за что они бросили того человека в колодец? – спросила Фатима.

Старик помолчал. Глаза его в уголках у переносицы заблестели.

– Каждый вечер, как зайдёт солнце, они приносят жертву колодцу, который у нас служил всего лишь хранилищем чистой воды. Чтобы устроить ли людей, задобрить ли своё божество? – сказал он. – Они ищут разгадку тайны наших источников. Но они никогда не узнают её. Мой народ умирает, не проронив ни слова, даже не взглянув на презренного врага.

– Он так кричал, – не поняла девочка.

– Сегодня они бросили своего. Он заснул на посту, и мальчик чужого племени проник в город.

Сердце Фатимы сжалось недобрым предчувствием. Она стала выпрашивать подробности, но старик больше ничего не знал. Он только слышал всё, но не видел. Пообещав скоро вернуться, девочка на всякий случай осторожно заложила отверстие и начала обследовать пещеры в надежде найти брата. Быть может, его тоже посадили в каменную нору, привязав к рукам и ногам колокольчики. Фатима уверенно двигалась в темноте, будто всю жизнь провела здесь. Она цепко хваталась за чёрные камни и босыми ногами нащупывала ступеньки, а голова была занята только что услышанным.

Старик ждал помощи: но он ничего не сказал, ни о чём не попросил, видя, что её слабых сил не хватило бы разобрать каменный завал. И она не проронила ни слова, понимая это. Да и тревожные мысли о брате, одна ужаснее другой, мешали сосредоточиться. Если бы Азиз был здесь! Разве не освободил бы он этих полуголодных узников? Он бы смог! Он сильный, брат её. Ему уже немало лет. Четырнадцать колец надето на его запястье. Он почти мужчина. Вот бы только найти его.

Азизу снился сон. Сидит он под плетёным из пальмовых веток навесом. Вокруг утомлённые жарой, скучились бараны, уткнувшие друг в друга головы. Козы тоже улеглись в тени, но отдыхают лёжа на бочках, в отдельности. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, – белая, слепящая, плоская, как лепёшка пустыня. Вдруг далеко у самого неба появляется чёрная точка. Она быстро растёт, увеличивается, и вот уже к навесу приближается мать Азиза. У неё такие же впалые щёки и маленькие руки, как тогда, перед самой смертью, но глаза весёлые. А из улыбчивого рта вырывается стон: – Пить, пить. Азиз вскакивает и хватает наполненный кувшин. Вода льётся нескончаемым потоком, но ни одна капля не попадает в рот матери. Она вытягивает губы, хватая воду руками, крутит головой, но струя изворачивается, падает к ногам и уходит в песок...

– Пить, пить, – Азиз проснулся, испугавшись собственно-

го голоса. Его бил озноб. Во рту сухо и горько. Колокольчик, подвешенный на сквозняке между двумя отверстиями, тихо брякал. Азиз тихо подкрался к выходу и прильнул к щели в камнях. Всё тело ломило. За что его избили и спрятали здесь? Что он сделал? Попросил воды. Ведь не взял, а только попросил! Он бы не стал брать против их воли: не подобает человеку хозяйничать в чужом доме. Но разве не должны были они поделиться, предложить ему утолить жажду сами?! Это так ясно, как то, что палатка не может вырасти из земли сама, словно финиковая пальма. Её возводят человеческие руки.

Стражник, обхватив голову, сидел на прежнем месте и жалобно тянул заунывную песню. Азиз зажал в кулаке колокольчик, но стражник не обратил на это внимания. Плечи его задрожали, и песня незаметно перешла в плач. Мальчик не сразу понял это, пока мужчина не поднял голову. Он невидящими глазами уставился в темноту, узкие струйки потекли по его смуглому лицу. Он часто всхлипывал и стряхивал их тыльной стороной огромной ладони. Азиз впервые видел плачущего мужчину.

Жалость шевельнулась в груди у мальчика. Конечно, это его страх. Но не он его схватил, не он бил. Если так плачет взрослый мужчина, значит у него большое горе. Ещё недавно сам Азиз, спрятавшись за палатку, чтобы никто не увидел, беззвучно рыдал, в последний раз оглядев запрокинутое лицо своей матери.

«Человек, узнавший горе, может понять беду другого», – подумал Азиз и позвал стражника. Ему захотелось расспросить и успокоить его. Стражник встрепнулся, затравленно огляделся, и не поворачивая лица в сторону пещеры, незаметно приблизился. Но тут послышалась переключка, и его неожиданно позвали. Он быстро вытер лицо рукой и побежал по ступеням амфитеатра вниз на площадь.

Фатима облазила все нежилые пещеры, расспрашивала узников сквозь завалы камней. Азиза нигде не было. Никто его не видел. Над верхними ступенями амфитеатра виднелась ещё одна, но у её закрытого входа сидел стражник. Девочка, стрелой пробегая светлые отрезки пути и останавливаясь перевести дыхание в тёмных нишах, быстро прокрадлась к этой пещере. Ни один камешек не выскочил из-под её ног. Здесь она спряталась за выступ скалы и затаилась.

Время шло. Стражник пел тихую, заунывную песню без слов. Такую заунывную, что горло сжималось от тоски. Его сторбленная с поникшей головой фигура и эта песня, удивляли Фатиму и настораживали. Вдруг стражник поднял голову и залился слезами. Потом внезапно смолк. Послышались голоса, и стражника позвали. Девочка нырнула в тень. Когда она снова выглянула, никого рядом с пещерой не было. Она подкралась ко входу и с замирающим сердцем позвала брата. Он тотчас же ответил ей радостным восклицанием. Он так обрадовался сестре! С двух сторон они приникли к отверстию в камнях и, перебивая друг друга, начали

рассказывать о своих злоключениях. Фатима плакала, узнав, что Азиза стегали ремнями, а он хвалил её за мужество и ловкость. Но в голосе мальчика невольно слышалась тревога. Он понял, что ждать пощады от тех, кто внизу, нельзя. И узников, и его, и возможно, даже Фатиму ждёт неминуемая гибель. Девочка же, наоборот, найдя Азиза, почувствовала уверенность.

– Посмотришь, брат, мы все вместе что-нибудь придумаем, – говорила она, не задумываясь, сейчас, кто эти «мы» и что вообще можно сделать в таком безвыходном положении.

Фатима казалась себе в эту минуту большой и сильной, потому что от её смекалки и решительности сейчас, наверное, зависела жизнь брата и ещё многих людей. Внезапно раздался звук шагов.

– Кто-то идёт сюда, – шепнула она, отскочила от пещеры и юркнула за камень.

Четыре тёмные фигуры появились на площадке и принялись разбирать каменный завал у входа в тюрьму Азиза. Когда образовался достаточный проход, они силой выволокли мальчика и повели вниз на площадь. Фатима вылезла из своего укрытия и с ужасом следила за процессией. Она даже думать боялась о колодце, чтобы не накликать беду. Она посылала мольбы к Аллаху, но, не отрываясь, смотрела на брата.

У дворца процессия остановилась. Двери отворились, и Азиз исчез за ними. Что было делать? Бежать на площадь,

кусать мучителей, рвать руками их одежды? Но разве это поможет брату?! Фатима бросилась к пещере старика. К кому ещё могла обратиться бедная девочка? У кого просить если не помощи, то хотя бы совета?

Старейшина, видно, всё это время ждал Фатиму. Как только она отвалила камень, сразу увидела его бледное, бескровное лицо. Но в глазах у него затаилась надежда.

Когда попали люди в розовые горы, не помнит даже старик. По преданию несколько человек одного племени проникли в эти скалы. Они карабкались вверх, спускались в глубокие ущелья в поисках воды, но вокруг вздымались безжизненные, бесконечные горы. Люди почти умирали от жажды, когда наткнулись на молодую антилопу, которая невесть как сорвалась со скалы. Старший поначалу даже не захотел подойти к несчастному животному: оно казалось мёртвым. Но длинные ресницы и тонкие изящные рога антилопы были так красивы, что человек наклонился и погладил её. Антилопа открыла глаза. В них было столько мольбы, столько страдания, что старший не выдержал и влил последние капли воды из своего бурдюка сквозь сжатые челюсти животного. Дрожь пробежала по муаровой коже антилопы. Она внезапно вскочила на тонкие ноги, ударила копытами об отвесную скалу и исчезла среди причудливых каменных нагромождений. Стена раскололась, и посередине только что образовавшейся расщелины потёк прозрачный ручеёк. Люди пошли следом, и там, где вода стекала в естественный бассейн, заложили го-

род. С тех пор они не знали горя с водой. Не мало, конечно, было всего за многие годы: и горы шевелились, и огромные камни преграждали путь воде, и самый первый ручей давно поменял своё русло. В любой беде люди собирались вместе, строили новые каналы, расчищали старые протоки, сдвигали обломки скал. И труд их вознаграждался: в городе снова раздавались бесконечно радующие звуки журчащей воды. А антилопа никогда не забывала розовый город. В самые трудные времена она приходила на помощь. И как когда-то, там, где она ударяла копытами, из камней вырывался поток воды.

Люди тоже всегда помнили антилопу. Они приносили дроблёное зерно – её любимое лакомство – на высокую гору и высыпали там в глубокие ямки. Так было. И вот теперь уже много дней ямки на высокой горе пустыют. Это было очень плохо. Антилопа подумает, что люди забыли о ней, что люди не благодарны. Город не должен остаться без воды, иначе завоеватели убьют всех его жителей.

Всё это рассказал старик Фатиме. И добавил, что обесиленные голодом и жаждой узники не в состоянии освободить себя. Только она может помочь им. Вся надежда на неё. Она должна отнести зерно, собранное женщинами, те жалкие горсти, которые бросали им завоеватели, на высокую гору. Вместо старика антилопа увидит чужую девочку с её кормом и, возможно, догадается о беде. Это всё, что он смог придумать. Но Фатима не знала дороги. И как она ни старалась запомнить объяснение старейшины, в глубине души

боялась, что не найдёт. Горы казались ей такими одинаковыми. Старик чувствовал неуверенность девочки, но что он мог поделаться, кроме как ещё раз обрисовать путь.

– Я ходил с тобой, старейший, дважды, я помню дорогу, – неожиданно послышался слабый детский голос, и в отверстии показалась маленькая физиономия. Хотя ребёнок был очень худ, пролезть в узкое оконце он не мог. Подползли обессиленные женщины. Вместе со стариком со своей стороны, а Фатима снаружи, пальцами и осколками камней они взялись расчищать проход. Это было нелёгким делом, особенно для людей, много дней сидящих взаперти, почти без пищи и воды. И всё-таки они увеличили отверстие ровно на столько, чтобы ребёнок мог пролезть в него. Он оказался шустрым малым, смуглым, с чёрными, живыми глазёнками. На голове его, разрезая курчавые волосы, словно пробор, светлел длинный шрам – результат падения со скалы. Мальчик заулыбался, втянул в себя свежий ночной воздух, сунул под мышку мешочек с зерном и без лишних слов тронулся в путь. Махнув рукой старику, Фатима поспешила за ним.

Азиз не понял последних слов сестры, но то, что она так внезапно отскочила, не сулило ничего хорошего. Почти тотчас же к пещере подошли четверо мужчин. Они, не говоря ни слова, принялись разбирать тяжёлые камни, загораживающие вход, и складывать их рядом на землю. В свободное отверстие протиснулся огромный стражник, грубо схва-

тил Азиза и вытащил из пещеры. А затем, понукая и подталкивая, повел вниз, сопровождаемый остальными охранниками. Они остановились перед закрытыми дверями розового дворца. Дворец снова поразил Азиза своей красотой. Он показался ему ещё красивее. Фигуры людей и животных в нишах казались ожившими. Гладкие колонны заканчивались замысловатыми завитушками, а над массивными дверями нависала высеченная из мрамора голова того самого животного, которое так напугало мальчика. Но теперь Азиз смотрел на дворец совсем другими глазами. Он теперь знал, что среди такой красоты могут жить люди и очень даже жестокие люди.

Стражники втолкнули его в приоткрывшуюся дверь, так что он снова оказался лицом к лицу с тем самым человеком в пурпурной одежде, который, по всей видимости, был предводителем завоевателей. Похолодев, мальчик уставился в пол – так невыносимо было смотреть в каменное незрячее лицо, наводящее леденящий ужас.

Так прошла минута, другая. Человек молчал. Он чего-то ждал. Нависла гнетущая тишина. Толстые стены не пропускали ни звука. Огромным усилием воли Азиз заставил поднять глаза на своего пленителя. Почему он должен стоять перед ним, склонив голову, разве он сделал что-нибудь недоброе этому человеку? – вдруг пронеслось у него голове. Но было так страшно смотреть на него! Эти белые глаза протыкали насквозь, отчего леденели не только пальцы, но и душа,

а в голове накатывали и хлестали горячие волны, будто хотели пробить её и выплеснуться наружу. Ноги, готовые подкоситься в любую минуту, еле держали.

Наконец, молчание было прервано вкрадчивым голосом этого человека, но голос этот не успокаивал, а наоборот, наводил ужас. Поэтому до Азиза не сразу дошел смысл сказанных слов. Человек с белыми глазами требовал, чтобы Азиз выведал у жителей тайну их божества, благодаря которому в городе всегда есть вода. В противном же случае, его постигнет участь всех мужчин этого народа – смерть в колодце жертв.

– Ну же, говори! – грозно рыкнул человек в пурпурной тунике в ответ на молчание мальчика.

– Ничего я не стану выведывать! Ты и твои люди захватили город, убили мужчин, поработили стариков, женщин и детей! Вы должны уйти! – так звонко выпалил Азиз, что сам не узнал собственного голоса.

Ничто не дрогнуло в каменном лице предводителя. Он лишь сжал кулаки так, что кожа побелела на суставах, затем он медленно присел на свой трон, придвинул ближе к ногам высокий глиняный горшок и приоткрыл крышку. Едва заметный розовый дым потянулся из горлышка. Голос его стал мягче и вкрадчивей. В обмен на тайну он теперь не только обещал сохранить жизнь мальчику, но и обещал сделать его владельцем стад, посевов и рабов.

Розовый дурман обволакивал Азиза. Казалось, что дым

проник в его голову и утопил все мысли и желания. Постепенно ему стало всё безразлично: и город с его узниками, и сестра, и далёкий родной караван. Он будто отделился от собственного тела и с удивлением со стороны разглядывал себя, не понимая своего упрямства. В самом деле, почему бы не выполнить просьбу этого человека?

Азиз сделал шаг к трону. В этот момент дверь отворилась, и струя свежего воздуха рассеяла розовый дым. Мальчик отпрыгнул назад, ужаснувшись тому, что миг назад готов был согласиться на это ужасное предложение белоглазого. Он неожиданно круто повернулся и хотел бежать, но в это время сильные руки стражников схватили его, и заломив назад руки, бросили его на колени. Азиз не видел какой знак за его спиной сделал человек в пурпурном одеянии, но понял, что гибели не миновать. И всё же он ни о чем не жалел: ведь он не мог предать невинных людей, даже ради сохранения собственной жизни. Чего бы тогда стоила эта жизнь?!

Палачи били его кожаными ремнями, сдернув рубаху. Лёжа на холодной земле, он забылся тяжёлым сном. Темная ночь прикрывала его истерзанную ремнями кровавую спину.

Вдруг чья-то осторожная рука тронула Азиза. Тот самый стражник, который плакал у пещеры, словно ребёнок, опасно оглядываясь, приложил к воспалённым губам мальчика плоскую с водой. Какая же она прохладная и живительная! Когда Азиз смог подняться, стражник велел ему вернуться в пещеру. Каждый шаг доставлял ему сильную боль, но пре-

возмогая страдания, он вполз и обессиленный прислонился к стене. Стражник тоже сел у самого входа, как будто и не собирался заделывать отверстие. В голове Азиза зашевелилась слабая надежда: а что если возможно спасение? Мальчик задумался, почему этот человек, рискуя собственной жизнью, дал ему напиток? Почему он, карабкаясь сзади, бил ремнем по камням, хотя должен был бить по ногам узника, как ему приказали? Почему же он недавно так горько плакал, давясь беззвучными слезами?

Азиз понял, что стражник не заделал проход в пещеру, потому что хочет поговорить с ним. Через некоторое время мальчик уже знал, какое несчастье случилось с этим человеком. Это его брата сегодня бросили в колодец. У Азиза мелькнула мысль, что стражник должен был его ненавидеть, потому что он явился невольной причиной смерти брата. Не зря именно его приставили к пленнику, чтобы распалить жажду мести. Но стражник оказался умнее, чем предполагал его начальник, и разобрался, кто настоящий виновник. Теперь он пылал гневом и ненавистью, и тут же поклялся отомстить убийцам брата и помочь бежать мальчику. Наступил рассвет, край неба посветлел, слышались голоса. Шла перекличка. Надо было переждать день, дожждаться темноты, и тогда Азиз сможет скрыться под покровом ночи.

Стражник заложил вход в пещеру камнями и встал на посту.

Фатима спешила следом за мальчиком, удивляясь, как легко тот отыскивает дорогу в темноте. Сначала они долго спускались вниз, потом стали подниматься. Иногда мальчик останавливался, чтобы помочь Фатиме, или же молча указывал на кусок скалы или огромный камень, преградивший путь. Они торопились, но девочка не чувствовала усталости, глядя на неутомимого маленького человечка. Да, она думала сейчас не о себе. Её терзали беспокойные мысли. Получится ли так, как думает старик? Увидят ли они антилопу? Поймёт ли та, что в городе случилась беда? И главное, сможет ли она помочь? Фируза отгоняла от себя ужасные картины мучений брата, но в одном она была уверена, что не надо опасаться за его жизнь, хотя бы этой ночью и завтрашним днем. «Они убивают после захода солнца», – так сказал старейшина, чтобы хоть немного успокоить её, когда он совсем обезумевшая от страха, прибежала к его пещере.

Когда туман нехотя сполз на дно ущелья, дети увидели антилопу. Первым заметил её мальчик. Он указал на неё Фатиме. Мягкими губами животное нетерпеливо дергало редкие сухие растения на склоне напротив. Осторожно, чтобы не вспугнуть антилопу, дети начали медленно спускаться. Антилопа повела ушами, не спеша двинулась вверх, и раньше, чем дети оказались на дне ущелья, скрылась за вершиной горы. Мальчик не унывал, он тихонько замурлыкал себе под нос песенку и пошёл по одному ему понятным следам, оставленным антилопой. Фатима послушно двинулась за ним.

Так они бродили по склонам гор целый день. Антилопа показывалась то в одном, то в другом месте. Она не исчезала надолго, не убегала далеко, но и не подпускала к себе близко. И только на закате дня, когда дети едва передвигали ноги от усталости, она незаметно привела их к своей горе. Здесь она едва притронулась к зерну и взглянула на своих преследователей. Её большие умные глаза говорили: «Ну что же вы теперь стоите? Пора идти, солнце торопит».

Сердце трепыхалось, словно птица в далеком, утреннем небе. Фатима осторожно выглянула из-за камня. Около пещеры Азиза не было стражников. Значит, что-то случилось. Она перевела взгляд вниз, отыскивала глазами колодец и вздрогнула: на краю колодца стоял человек. Фатима с облегчением заметила, что это был взрослый мужчина, к тому же в ярком одеянии. «Опять своего, – подумала она. – Сами себя убивают, будто скорпионы, забравшиеся в один горшок».

Одновременно девочка испытывала угрызения совести, что её ничуть не огорчает чужая смерть, и оправдывалась тем, что убийц жалеть нельзя. Немного успокоившись, Фатима оглянулась. Ни мальчика, ни антилопы рядом не было. Почему же она замешкалась? Надо скорее бежать у пещере старейшины. Они наверное уже там, и ждут её.

Тем временем на площади царило необычное оживление. Пылали костры, освещая потухшее небо, слышалась музыка, доносились дразнящие запахи жареного мяса. Люди сидели возле костров, ели, пели, и то и дело прикладывались к уз-

ким горлышкам глиняных кувшинов.

В пещере старика слышался возбуждённый шепот: мальчик уже успел всё рассказать. Фатима ухватилась за край одного из небольших валунов в каменном завале и начала его расшатывать, но он даже не шевельнулся.

Вдруг антилопа нежно боднула девочку в плечо, что могло означать: «Отойди в сторону, малышка», повернулась задом к пещере и метко ударила копытами по каменному заграждению. Удар был настолько силен, что валуны брызнули и покатались в разные стороны. Фатима, мальчики те, кто оказались у открывшегося прохода, со страхом уставились на бурлящую площадь. Но, к счастью, там внизу никто не обратил внимания на шум падающих камней. Кто-то храпел, напившись хмельного напитка, кто-то пел или безудержно болтал и смеялся.

Едва успели узники выбраться на волю, как из пещеры вырвался и понёсся вниз стремительный поток воды, смывая и подхватывая камни на своем пути. Пока люди приходили в себя, взбудораженные свободой и свежим ночным воздухом, антилопа в несколько прыжков достигла следующей пещеры и тем же путём освободила её узников. Еще один мощный поток запрыгал по каменным уступам скал и ступеням амфитеатра. Потом еще одна, ещё и ещё... Бурлящие потоки, словно стадо взбешенных баранов, яростно сталкиваясь в брызгах пены и закручиваясь тугими воронками, ринулись на площадь.

Азиза вывели из дворца, где человек с белыми глазами вновь потребовал от него предательства, и заставили подняться на край колодца жертв. Он оказался рядом со своим бывшим стражником, теперь уже узником, как и он приговоренным к смерти. Тот ночной разговор между ними был подслушан другими стражниками, которые также видели, как их товарищ поил водой пленника. Взбешенный предводитель, незамедлительно узнавший об этом, решил устроить для своих воинов нечто вроде представления. Он был уверен, что в самый последний момент мальчик начнет умолять его, плакать, и на коленях попросит пощады. Но Азиз молчал, высоко подняв голову. Он не стал призывать богов, послать ему силы. Силы давала гордость, что не отступил, справился со своим страхом и не стал предателем. И только одна мысль мучила его: он не выполнил последнюю волю матери. Да ещё Фатима. Что с ней? Где она сейчас? Сможет ли одна добраться до каравана, если не найдет помощи у людей, которые и сами пока не на свободе? Мальчик не смотрел на своих мучителей, словно не слышал, как они корчатся от смеха, издеваются и что-то кричат ему. Он выпрямил истерзанную ремнями спину – пусть враги не видят его страданий – и вглядывался во мрак окружающих гор в неясной надежде увидеть или услышать какое-нибудь движение. Если сестра где-то там, в темноте сейчас смотрит на него, пусть она знает, что он ничего не боится, пусть страх не сжимает и без того измученное её сердце.

Все ждали предводителя. Вот сейчас он появится и даст сигнал. Тогда невидимые руки толкнут Азиза и его товарища по несчастью, и теплая вода сомкнется над их головами.

Вдруг уши мальчика услышали какие-то необычные звуки. Он прислушался. Сверху, со стороны пещер, нарастая, доносился звук падающей воды, который не перепутаешь ни с чем. Но откуда там взяться воде?

Неожиданно на площадь вынесся стремительный бурлящий поток. Увлекая за собой спящих и бултыхающихся людей, он рванулся к колодцу и закрутился вокруг его высоких стен. Через полминуты послышался рокот ещё одного потока, за ним другого, третьего... Вода широким каскадом устремилась на площадь, захватывая с собой и перебрасывая, словно песчинки, огромные камни. Костры один за другим со свистящим шипением гасли. Вода всё прибывала. Люди, те, что не попали в бурные потоки, в ужасе разбежались. Одни, а их было большинство, бросились к расщелине. Другие, отрезанные от неё водой, пытались вскарабкаться на почти отвесные скалы, что было совершенно невозможно сделать. К тому же тяжелые одежды сковывали движения. Даже самые отчаянные, продержавшись несколько секунд за мелкие выступы, не выдерживали и срывались. Остальные сразу прекращали борьбу и исчезали в стремительных водоворотах.

Азиз только несколько секунд находился в оцепенении. Он мгновенно оценил обстановку и не оглядываясь побе-

жал по краю колодца туда, где он почти вплотную примыкал к стене дворца. На высоте роста двух мужчин в ней темнела глубокая ниша. К счастью, руки не были связаны. Мальчик подпрыгнул, ухватился за выступающий камень. Жалкие лохмотья, едва прикрывающие его тело, ничуть не мешали. Он карабкался как дикая кошка и скоро был в нише. Отдышавшись, он взглянул вниз. Стражник, словно затравленный зверь, метался по краю колодца, от которого остался лишь невысокий ободок. Вода вокруг него поднималась все выше и выше, казалось, всасывая колодезные стены в свой ненасытный рот. Азиз издал самый громкий, на какой только был способен звук, больше похожий на крик вспугнутой хищной птицы, чем на человеческий. Сквозь шум и грохот стражник услышал его. Он поднял полные ужаса глаза и, заметив мальчика, тут же побежал по стене, которая вот-вот должна была исчезнуть в бушующем водовороте. Азиз знаками показывал ему сбросить тяжелую одежду. Потом стражник высоко подпрыгнул, зацепился за выпирающий из стены камень, укрепился ногами и начал медленно подниматься. Обняв одной рукой ступни каменной фигуры, Азиз протянул другую стражнику, чтобы помочь ему подняться в убежище. Стражник тяжело дышал. Он привалился к статуе и не мог произнести ни слова.

Тем временем на площади события разворачивались с необычайной быстротой. Один мощный поток помчался к расщелине. Он захватил бегущих в панике людей и ринулся

в узкий проход, не оставляя после себя ничего живого. Другой водопадом устремился в бездонный колодец, поглотив его высокие стены. Вода бешено бурлила у дверей дворца. Она закипала пеной, смешиваясь с дымом, проникающим изнутри. Но постепенно вода начала спадать. Шумные потоки превратились в спокойные ручьи, и нашли себе подходящие русла. Над площадью повисла тишина.

Из темноты вышел старейшина. За ним показались старики, женщины и дети, худые, изможденные, ещё не до конца поверившие в своё освобождение. Они стояли, растерянно оглядываясь, словно гости в чужом доме.

Вдруг со стороны пещер послышался крик. Это кричала Фатима, не найдя брата, она бежала вниз и звала его. В её голосе слышалась безнадежность. Азиз сразу же узнал голос сестры. Он издал радостный призывный клич, и, рискуя сорваться, начал спускаться из своей спасительной ниши. За ним последовал стражник. Дети бросились навстречу друг другу. Сестра схватила брата за руку, чтобы убедиться, что это не призрак, а её живой брат. Она просто не могла поверить в его спасение. Как же радовались они оба, как смеялись! И как разглядывали друг друга, словно увиделись впервые!

А вокруг все пришло в движение. Спасшиеся люди, разжигали костры, искали своих близких. Их счастливые и печальные лица говорили о радости освобождения, о горе потери родных, о благодарности антилопе и маленькой, смелой

девочке и ещё многим, многим другом.

Ни одного врага не осталось на земле этого города. Всех их смыла вода, посланная антилопой. Когда открыли двери дворца, увидели на полу мертвого человека в пурпурном одеянии в обнимку с глиняным горшком. От страха от забыл захлопнуть крышку и задохнулся в розовом дыму.

Прошло несколько лет. Горный город разросся и похорошел. Вместо жарких пещер в стенах скал высечены красивые дома и дворцы. Три круглые площади, соединенные между собой широкими мощеными улицами, украшены мраморными фонтанами. Многочисленные ручьи, сбегаящие с гор, питают их. Амфитеатр, некогда разрушенный потоками воды, расширен и достроен. Главный строитель города всеми почитаемый человек – старейшина Хасан, дядя Азиза. А сам Азиз, который превратился в стройного юношу, – его незаменимый помощник. С ними рядом всегда можно увидеть лучшего друга Азиза, его бывшего стражника.

А Фатима со своими подругами разводит сады. Их теперь много вокруг. Широкими полосами лежат они теперь на склонах гор. Здесь и оливы, и миндаль, и урюк. А ещё здесь повсюду цветут и благоухают розы. Если в один из прекрасных вечеров сесть на мраморные ступени амфитеатра, то непременно можно увидеть прекрасную девушку. Это Фатима. Она выходит в красивой ниспадающей одежде, в руке у неё оливковая ветвь. Девушка поёт, и её нежный голос зву-

чит как звонкий ручей среди розовых скал, в ночном воздухе над счастливым городом Антилопы.